

Сказание о братьях Савельевых

Интерес к человеческой личности, становлению и развитию характера индивида, как известно, составляет предмет и назначение литературы. Взаимосвязь личности и истории шире всего, полнее всего раскрывается в самом объемном, панорамном жанре — в романе. Советская школа современного романа пополняется все новыми и новыми именами. Одно из них — Анатолий Иванов, заявивший о себе лет пятнадцать назад первым своим романом «Повитель».

Развитие человеческих судеб в соотношении с историческими событиями находим мы в последнем его романе «Вечный зов». Жизнь, насыщенная жестокими, кровавыми столкновениями, беспощадной борьбой в период революции и гражданской войны, сложные ситуации, драматические события Великой Отечественной войны, когда в схватке с гитлеризмом проявились лучшие традиции нашего народа, наследованные у многих поколений бойцов и патриотов; расколотые надвое семьи, раздвоенные, несложившиеся судьбы, а рядом стройное течение чистых, красивых человеческих отношений — всем этим наполнен роман А. Иванова. Пишет он густо, колоритно. И в «Повители» и в романе «Тени исчезают в полдень» читали мы немало страшных страниц, мрачных картин исторических событий, пропущенных через перипетии жизни геро-

ев. Мы постигали, как нелегко давалась крестьянству революция и как велика была радость преодоления власти вековых предрассудков.

В «Вечном зове» снова жестокая, кровавая классовая борьба и ясная, светлая дорога, открывающаяся перед молодежью, дорога, завещанная отцами и дедами, отдавшими жизнь за дело революции.

Такова судьба Антона Савельева, еще в подполье, в тюрьмах боровшегося за великие ленинские идеи. Заметим, А. Иванову чужда какая-либо декларативность, назидательность. Его повествование глубоко, характеры жизненны, ситуации возникают органично, естественно, язык истинно сибирский, без диалектных излишеств. Нет в произведении А. Иванова готовых формул, все выводы вытекают из характеров и обстоятельств, в которые поставлены персонажи. Помнится, приходилось читать о том, что автор «Вечного зова» надолго «покинул» Антона, словно бы «забыл» о нем, занявшись другими персонажами, и только в конце книги снова возвратился к нему. За это вроде бы А. Иванов осуждался. Мне же представляется естественным решение линии Антона. В первых главах об Антоне, его жене, об отношениях с бывшим другом Полиповым сказано несколько бегло, но достаточно выразительно. Развитие сюжета не задерживается на периоде гражданской войны. Автору, видимо, нужно другое. Нужна эпоха, более близкая к современности. Но ему дороги и истоки, поэтому даются

Анатолий Иванов. Вечный зов. Роман. Журнал «Москва», №№ 4, 5, 6, 7, 1970.

броские, лаконичные картины классовых ожесточенных боев в гражданскую войну. Мы расстаемся с Антоном, но только для того, чтобы познать его среду, его корни, чтобы надолго остановиться на жизни в селах Михайловка и Шантара.

Роман можно рассматривать как хронику семьи Савельевых. Причудливо смешались ветви этой семьи тружеников и бедняков с «кланом» Кафтановых, первых в Михайловке кулаков. Автор беспощаден в анализе эволюции, например, второго сына старого Силантия Савельева Федора, отданного в услужение кулаку. Кафтанов, основавший в Огневской заимке притон для кутежей и распутства, потребовал, чтобы Силантий привел парня к нему. Горем было это для родителей: «спортят парня». Но еще большим — для Федора. И не потому только, что трудно протекали его дни на проклятой людьми заимке. А потому, что развратилось сознание Федора под влиянием Кафтанова. Отец с удивлением слушает сына, тревожится, думая, что за человек из него растет. А вырос типичный подкулачник, жадный к жизни «веселой», как на кафтановской заимке, с желанием во что бы то ни стало обогатиться, жениться на Анне, кулацкой дочери, хотя и любит он другую, бедную девушку Анфису.

До конца книги будет А. Иванов разматывать клубок путаной жизни этого человека, не устоявшего перед соблазном денег и случайно оказавшегося у партизан. С одной стороны, жадность, алчность, которые в нем поселились прочно, а с другой — непонятная женитьба на Анне Кафтановой, когда уже никакого богатства у нее не было. Так и живет Федор, замкнуто, одиноко, работая как зверь, жену не любит, товарищей не имеет, к детям равнодушен. Одна радость, и та непрочная — тайные встречи с Анфисой.

Наступает такой момент, когда безмолвная, некогда без ума любившая его Анна выкладывает ему все, что о нем думает. Раскапывает в душе Федора такое, в чем он и сам-то себе никогда бы не признался. В самый корень его проступков заглядывает. И верно ведь поняла, распознала она своего неверного муженька. Да, он жалеет, что Иван, младший брат, убил когда-то Кафтанова, сосет и гложет его и то, что не сбылась его мечта о кафтановском богатстве. (Заметим, что автор «переживает» несколько в сценах разгула Кафтанова. Впрочем, известно ведь, что А. Иванов бывает безудержен в картинах ужасов, было это и в

прежних его романах.) Такой же сложный характер встречался нам и в «Тенях...». Это был Фрол Курганов, тоже человек путаной судьбы, хотя и не вовсе конченный.

Пройдут годы — наступит прозрение у Федора Савельева. Поздновато, но наступит, и поймет Федор, в чем его беда, сумеет не без помощи близких оглянуться на свою жизнь. Как Фролу помогла когда-то сильная, большая любовь, хотя и поздняя, так и Федору поможет братское товарищество Савельевых. Значит, было все же что-то савельевское в Федоре. Жило в нем подспудно. Не мог бы он так, как Макар Кафтанов, отпрыск старика Михайлы, стать «противу власти», нет, он работающий, основательный, словом, деревенский труженик. Он тоже от народного корня, хотя и были силы, которые могли бы оторвать его от родной почвы.

Когда-то мне пришлось писать о «Тенях...», и я сетовала на то, что Фрол Курганов не стал в романе протагонистом, как не стали им и другие персонажи. Подчеркивая силу социальной характерологии, свойственной А. Иванову, я в то же время ждала более отчетливой, рельефной композиции. Думаю, что мои ожидания были не напрасны. В «Вечном зове» центральная фигура, по-моему, Федор, его заблуждения, сомнения, а затем прозрение. Все это цементирует роман. Но Федор действует в среде, в сопоставлении или противопоставлении с другими персонажами книги, в исторических, социальных и бытовых связях; и каждая рядом стоящая судьба вяжется в романе в свой узел, в свое звено.

Одно из таких звеньев — младший брат Иван. Не прямым был и его путь. Тоже в свое время был он подобран Кафтановым, был чем-то вроде денщика при нем в банде. Но то и дело оглядывался Иван назад, на свои корни, на свою семью, на дом, на полюбившуюся ему Анну Кафтанову, хотя он в отличие от брата никакого богатства от нее не ждал. Запутался Иван, «как рябчик в силке». С того дня как отпустил он пленного партизана, сообщившего ему о Федоре и Анне, Иван «все скучел, чернел лицом, сделался вялым. Ночами его не брал сон... отчего же он запутался, кто в этом виноват? Сам ли он со своей любовью к Анне, Анна ли, отказавшая ему в своих чувствах? Кафтанов ли, обещавший отдать за него Анну, время ли, суматошное и кровавое, все перепутавшее? Или все это, вместе взятое?»

«Все, вместе взятое», написано А. Ивановым сочно, густо и притом органично. Даже самые грубые, самые ужасающие сцены у него естественны. И то, что противоестественно, веришь, могло произойти. Потерявший всякое человеческое обличье, вконец спившийся и растленный, Кафтанов силой овладел своей же дочерью и убил бы ее после всего, да подросла пуля Ивана.

Но всю жизнь идет за Иваном «слава» кафтановского прихвостня, бандита. Искушает он свою вину, а его снова и снова оговаривают, даже брат его родной Федор, и снова Иван в тюрьме. Выходит из тюрьмы, работает, терпит ненависть брата... Мягкий, несколько робкий, Иван в то же время внутренне нравственно силен. И он сумел стать полезным для общества человеком. Не сдался, остался тружеником, крепкий у него корень, савельевский. Искупил он свою вину перед народом. Судьба его поэтому драматична по внешнему ее событийному развитию. А у Федора внутренняя трагедия.

Вот такая сложная цепь событий, такие странные отношения между родными братьями. Стала между ними вот эта неопределенность: запутанность, беспокойная, тревожная жизнь одного и определенная, ясная—другого. И не было бы этой определенности у Ивана, никогда бы не понял свою жизненную ошибку Федор.

Очень колоритны, самобытны характеры коммунистов в новом романе А. Иванова. Раньше в его романах такие персонажи тоже встречались, но они не были художественными открытиями. Теперь же писатель рисует партийных вожаков крупным планом, раскрывает их психологию. И, пожалуй, ярче всего выписан бывший командир партизанского отряда Поликарп Кружилин. Его отчетливо видишь. Это человек сильный, мужественный, он склонен к глубоким раздумьям, серьезным обобщениям.

Однажды братья Савельевы собрались вместе—против воли Федора, не желавшего встречаться с «контриком» Иваном,—на квартире Антона уже в Великую Отечественную войну, когда старший брат стал директором номерного завода. И тогда Кружилин произнес тост: «...бывает, к сожалению, не так уж редко, что человек, не понимая сути и смысла... жизни, наделает черт те что, наломает таких дров, так расшибет свою душу, что живет весь в синяках и кровотокающих ранах...» Можно сказать, что это специально для Федора все и говорено. И еще Кружилин, верящий в добро и в человека, добавил: «Рано или поздно человек начинает

задумываться над сутью и смыслом бытия, жизни окружающих его людей, общества и над своими собственными делами и поступками. Это его заставляет делать властный и извечный зов к жизни, извечное стремление найти среди людей свое, человеческое место». И опять эти слова словно бы для Федора. Продолжает Кружилин свой тост: «С этого момента человек, каких бы ошибок он ни наделал, становится уже гражданином, а потом станет и бойцом за справедливость, за человеческое достоинство и за человеческую радость». Ну, а если не поймет этого вечного зова иной человечиска, то выйдет по пословице: «Смолоду прореха, к старости—дыра».

Такие уроки получает Федор в доме родного брата, глядя на таких кряжистых, крепких коммунистов, как Кружилин, или на совсем новых, еще мало знакомых, тех, кто приехал сюда вместе с эвакуированным заводом. Скажем, Хохлов, который нашел в себе силу воли говорить о делах каким-то «неунывающим тоном», хотя тяжкое горе свалилось на его плечи: у него на глазах недавно погибла маленькая дочь. И такие сильные, мужественные, стойкие люди были на заводе. Пожалуй, только ненужной показалась мне заключительная фраза: «Каким же запасом жизнелюбия и душевной стойкости обладает этот человек!» Но разъяснительные «прорези» в романе редки.

И, наконец, Антон Савельев. Он в романе и стержень и словно бы символ. Даже когда его нет в повествовании, на таких, как он, все невольно равняются. Да, жизнь сложна, обязанности громадные. Но в годы войны люди и в самом деле творили невозможное. Организатором и вдохновителем этого невозможного и был Антон Савельев. Он жил так, словно бы горел каждый день, и сгорел он на посту. Бросился тушить пожар на заводе. Оставались считанные секунды до взрыва склада с горючим. И тогда Антон бросился к рубильнику и, не зная, какой именно отключить кабель, прижал болтом, чтоб уж наверняка, сразу все рубильники. Склад был спасен, и люди не погибли. А вся жизнь и самая смерть этого человека стали символом подвига для молодежи. Ведь к рубильнику бросился сперва его племянник Семен, сын Федора, и Антон опередил юношу, спасая его жизнь.

В связи с образом Семена Савельева я не могу не оттенить того мотива, который так украшает роман А. Иванова: тему молодости, тему будущего. Ее достойно воплощает Семен и многие его сверстники, действуя-

щие в романе. Семен — образ молодого человека иной формации, чем были в свое время Антон, Кружилин, Яков Алейников... К 41-му году Семену было девятнадцать лет. Он только еще начинал жить. У него в руках профессия. Он знает машины, технически грамотен; механизатор и тракторист, он готовил себя к какой-то большой, ответственной доле на земле. И к большому человеческому счастью.

Семен стремится на фронт. До поры у него броня, здесь до зарезу нужны механизаторы. Но Семен ждет и дожидается своего часа. Однако ситуация, в которой рождаются подвиги, возникла и здесь, в тылу. Когда он бросился к рубильнику, — это было первое движение долга.

Семен «уродился» не в отца, а в дядю, Антона, которого хоронили в сквере Павших бойцов резолюции. И Семен и его любимая, Наташа, слушают речи на похоронах. Секретарь обкома Субботин, тоже старый подпольщик, коснулся нравственных свойств покойного. Молодые люди напряглись, и каждое его слово сверяли со своими мыслями. «Жизнь устроена пока дьявольски сложно и трудно, порой жестоко... Ты, Антон Силантьевич, обладал даром сквозь эти сложности и трудности видеть и понимать истинные начала жизни, с ее извечным светом справедливости, радости и счастья». Девушка думает про себя, где они, эти начала? Она хлебнула немало горя и хочет, страстно хочет радости и счастья, и не может... пока не может их найти. А Субботин, словно бы подслушав сомнения Наташи, раздумывает: «Где же эти начала? Многим, очень многим, к сожалению, их не видно... А они в самом человеке. Они — в каждом человеке. Но многие не понимают этого... Ты жил, — опять обращается он к Антону, — чтобы помогать жить другим, помогать людям увидеть в себе эти истинные начала жизни».

Гуманистический смысл партийного не-

легкого труда утверждается в романе художественно убедительно и в гимне человеку, который произносит старый коммунист Субботин. И в поединке, который ведет Кружилин против Полипова, ведет во имя справедливости, гуманности, во имя истинных начал жизни, а они в советском ее образе, в коммунистическом сознании. И гнусные полиповы, спасающие лишь свои шкуры, ходом истории сбрасываются с нашего светлого пути. Истинные начала жизни не скоро, трудно, с болью великою, но пробуждаются, например, в Федоре. Доживать свой век он будет уже по-другому. Вечный зов разбудил его. Полипова же никакие «зовы» не проймут, как был предателем, так и остался им.

Много в романе и других сюжетных узлов. И все их постепенно развязывает автор. А некоторые, кажется, только завязываются. Видится мне, например, продолжение судеб не Семена, нет, а следующего за ним поколения: Андрейки, Ганки, Кольки, Виктора. Все это в будущем. Все жизненные потоки связывает воедино автор. Крупно, аналитично говорит он о прошедшем, раскрывает его связи с сегодняшним днем. И уже подготавливает почву для будущего. Такие вот мальчишки, бегавшие на фронт и снимавшиеся с поездов, возвращавшиеся домой со злой думкой: «Все равно убеги бить фашистских гадов», — такие мальчишки будут жить в пятидесятые, шестидесятые, семидесятые годы.

Как они будут жить? Мы можем об этом догадаться, потому что в романе, как и в жизни, есть и корни прошлого и предчувствуется будущее. Это глубокая, нестареющая традиция русского классического эпоса. «Даль свободного романа...» И Анатолий Иванов от книги к книге являет себя мастером масштабного, со сложными сюжетными переплетениями, эпического повествования.

Лидия Фоменко

О живой душе поэзии

Микола Бажан, кажется, никогда не имел оснований жаловаться на недостаточное внимание критики к нему. С середины или по

Ю. Суровцев. Поэзия Микола Бажана. Критический очерк. «Советский писатель», М., 1970.

крайней мере с конца 20-х годов его имя неизменно находилось в центре литературных споров в украинской критике. О нем написаны книги и великое множество статей. Но поэт не стоит на месте. Он продолжает плодотворно трудиться, публикует новые сочинения. И тем самым всякий раз